

ТАТЬЯНА ВОРОНЦОВА

НЕВРОЗ

AST

Татьяна Воронцова

Невроз

Серия «Время запретных желаний»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/178617>

ISBN 978-5-17-054618-3, 978-5-403-00740-5

Аннотация

<p>«Каждое солнце имеет Sol Nigredo, каждый предмет – тень». Окончательно заблудившись на темной стороне своей души, талантливый писатель Грэм Мастерс оказывается в кабинете психоаналитика. Но Маргарита, школьная подруга его сестры, и сама не свободна от многочисленных комплексов и иллюзий. Лишенные внутренней целостности, они не способны исцелить друг друга, но всепоглощающая сила любви, в конце концов, соединяет неотразимое чудовище и слишком правильную красавицу.</p>

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Воронцова

Невроз

*Вглядываясь в бездну, помни о том,
что бездна вглядывается в тебя.*

Ф. Ницше

Глава 1

Пока варился кофе, она решила по-быстрому проверить почту. Включила компьютер, загрузила Outlook. Бросив на спинку кресла колготки и бюстгальтер, щелкнула мышкой по строке падающего меню «получить все». Сейчас же, как из рога изобилия, посыпалась всякая белиберда: «Сдается офис и склад... что нужно знать руководителю и главному бухгалтеру... худеем без вреда для здоровья...»

Минуточку. А это что такое? Рита присела к столу. Отправитель был ей не знаком и в то же время знаком. Graham – какое странное имя! Так звали... о боже, нет! Сердце учащенно забилося. Нет. «Ты уехал, ушел из моей жизни» – так, кажется, пишут в дамских романах? «Наши пути разошлись». Так, еще парочка клише, и можно смело записываться в клуб старых дев.

На кухне журчала кофеварка. Дразнящий аромат растекался по всей квартире. Пора, пора собираться на работу,

ровно в десять явится та дамочка с булимией, которую бросил муж. А она все сидела и тупо смотрела на экран, не в силах заставить себя открыть и прочитать письмо человека по имени Грэм. Человека, которого несколько лет назад (сколько, кстати?.. четыре?.. пять?..) с полным основанием вычеркнула (вот оно, недостающее клише!) из списка живых. Он стал вымыслом, женской фантазией. Фотографией в простой деревянной рамке, стоящей на комодке рядом со статуэткой богини материнства и плодородия с острова Бали, его же подарком.

Рита перевела дыхание. Ну, смелее. Ты же не школьница, в конце концов, а взрослая женщина, кандидат медицинских наук. А он кто? Да просто очередной невротик, который не пожелал расстаться со своими неврозами и чуть было не свел с ума лечащего врача. Писатель, работающий в жанре черной готики. Знаковая фигура, как теперь принято говорить, для культуры, точнее, контркультуры своего поколения.

Если только это он. Не чья-нибудь глупая шутка и не совпадение.

Это был он.

«Моя незабвенная Маргарет! Я прилетаю послезавтра. Рейс №... из Парижа, аэропорт Шереметьево-2. Это не означает, что ты должна меня встречать, боже упаси! Скорее всего я буду пьян, потому что панически боюсь самолетов. Это значит всего лишь, что я хочу тебя видеть и надеюсь, ты не откажешься встретиться со мной в субботу вечером в ресто-

ране „Марио“. Любящий тебя Грэм».

Сперва ее передернуло, потом бросило в пот. Она живо представила себе его улыбку – белозубую мальчишескую улыбку в сочетании с иствудовским прищуром, меняющую до неузнаваемости его мрачноватое лицо. Улыбался он редко, и всякий раз это было как подарок. В такие минуты даже его темные глаза трагического актера с чуть опущенными наружными уголками и устремленным внутрь себя взглядом становились живыми и блестящими. Грэм был на редкость красивым мужчиной. Интересно, удалось ли ему остаться таковым?

Эта болезненная привлекательность нервных людей – людей, живущих на пределе возможностей, постоянно балансирующих на грани между нормой и патологией... Почему их обаяние столь непреодолимо? Не потому ли, что, глядя на них, начинаешь осознавать с особенной ясностью, до чего же оно хрупкое – наше психическое здоровье. Как легко его лишиться. Как трудно, а подчас невозможно его восстановить.

Моя незабвенная Маргарет...

– Черт тебя подери, – пробормотала Рита, продолжая смотреть на экран.

Высокие скулы на худом, изможденном лице... Он не ел, наверно, дня два или три, прежде чем сдался и явился-таки на прием, который до этого упрямо откладывал. Стоп! Стоп! Сейчас все это совершенно ни к чему. Сейчас – только чашка кофе, завтрак на скорую руку, час езды по запруженным

транспортом московским улицам в преддверии еще одного долгого дня, заполненного чужими проблемами.

Уже паркуясь на стоянке перед кирпичным восьмиэтажным зданием клиники, Рита позволила себе минутную слабость и припомнила, как он заезжал за ней в конце рабочего дня (своей машины у нее тогда еще не было); они ужинали вместе в каком-нибудь небольшом ресторанчике, а потом... Да, все это было уже потом. После того, как он добился полной и безоговорочной капитуляции, и ей оставалось лишь наблюдать в бессильной ярости, как его болезнь (ведь гениальность – это всего лишь форма безумия, не так ли?) расцветает пышным цветом, внося в их и без того сложные отношения элемент обреченности, этакий упоительный надрыв.

– Здравствуйте, Маргарита Максимовна! – улыбнулась дежурной улыбкой душечка Наташа. – Потапов из отделения ультразвуковой диагностики сегодня приведет к вам свою племянницу, вы помните?

– Да, спасибо.

Пациентка с булимией опоздала на пять минут. Это было очень мило с ее стороны – ровно столько и требовалось Рите для того, чтобы снять плащ, мельком глянуть на себя в зеркало и занять привычное место за столом. Двери ее кабинета всегда были плотно закрыты, и только когда Наташа впустила взволнованную и ужасно смущенную опозданием пациентку, на минуту стали слышны чьи-то голоса в прием-

ной, звонок телефона на столе секретаря и шум электрического чайника.

– Я вижу, вы сменили губную помаду, – заметила Рита после стандартного обмена приветствиями. – Вам идет этот оттенок розового.

– В самом деле? – обрадовалась вертлявая брюнетка с внешностью провинциальной поп-звезды. – Я рада, что вам понравилось. Ах, Маргарита Максимовна, если бы вы знали, как я вам благодарна! – Она порывисто прижала к груди стиснутые кулачки. – Вы мне так помогли, так помогли! Я чувствую себя гораздо лучше. Уверена, скоро я буду совсем здорова. Знаете, вообще-то я искала такой оттенок, как у вас... – Прищурившись, она пристально взглянула на Ритины слегка подкрашенные губы. – Но не нашла. Что у вас за помада?

Все это Рите не очень-то нравилось. Пациентка жаждала не излечения, а возвращения к привычной схеме поведения. На смену эмоциональной зависимости от мужа приходила зависимость от врача.

– Не уверена, что она подойдет вам, Елена. У вас совсем другой цвет лица. Давайте вернемся в тот день, когда вы впервые почувствовали себя интересной женщиной. Вы сказали, это произошло на вечеринке по случаю дня рождения одной из ваших подруг.

– О да! Я была в шикарном красном платье...

Выслушивая ее более чем банальные откровения, сопро-

вождаемые неумемной жестикуляцией и восторженным блеском глаз, Рита вспоминала о том, как на этом самом месте сидел бледный темноволосый мужчина и говорил тихим, чуть задышающимся голосом: «Быть как все? Но все – это значит никто. Мы прячем свою индивидуальность из боязни быть осмеянными. И не вздумайте спорить! Кто отличается от нормального большинства, неизбежно становится мишенью. Неуязвима лишь посредственность».

И позже: «Прекратите же делать вид, будто я болен, а вы здоровы. Мы играем в одну и ту же игру. Сегодня ваша подача, завтра моя. И кто знает, исцелим мы друг друга или уничтожим. Бывает по-всякому».

* * *

Ольга была ее лучшей подругой класса примерно с четвертого. Вместе в школу, вместе из школы. В кино, на дискотеку, по магазинам – всюду вместе. Дела сердечные, школьные интриги... Сколько было пролито слез! Сколько дано обещаний! Потом выпускной вечер, вступительные экзамены в вуз. Рита пошла в Институт практической психологии и психоанализа при Институте психологии РАНН, Ольга – в Институт экономики, финансов и права. Они, конечно, общались, но уже не так часто. Звонок по телефону, e-mail, случайная встреча на улице... «Ну, как ты?» – «А ты?» – «Целую, пока! Созвонимся!» – «Обязательно!» Словом, обыч-

ная история. В тот вечер, когда Ольга позвонила и попросила принять без предварительной записи ее младшего брата, Рита внезапно осознала, что не видела ее уже лет шесть или семь.

– Для начала я хотела бы поговорить с тобой. Ты можешь подъехать завтра к девяти утра? В десять у меня начинается прием.

Ольга сказала «без проблем», и на этом они распрощались.

Да, вот ведь как бывает: сперва ешь с человеком из одной тарелки, а потом не можешь вспомнить, как он выглядит. Ольга, Ольга, бедная моя подружка, неужели и тебя тоже втянуло в этот водоворот: кухня – муж – дети – работа... дети – кухня – работа – муж... в выходные на дачу или на диван перед телевизором?.. В глубине души Рита понимала, что так оно и есть. Потому что у Ольги, в отличие от нее, прирожденной карьеристки и стервы, была семья. Муж и двое детей. Сочувствовать ей по этому поводу или завидовать?.. Смотря в какие минуты. А сама Ольга, интересно, довольна своей жизнью или, подобно многим, жалеет о том, что ничего уже нельзя вернуть назад?..

Брата ее Рита и в прежние времена видела только мельком – «привет-пока», не более того. Он учился в какой-то ужасно модной спецшколе с углубленным изучением английского языка, а когда Рита приходила к Ольге помочь ей с домашним заданием, или подготовиться к контрольной, или про-

сто послушать музыку (в гостиной у них стояла дорогушая аудиоаппаратура класса Hi-Fi с английской акустикой) и поболтать о том о сем, почти не высовывал носа из своей комнаты. Впрочем, он не так уж часто бывал дома.

Позже до нее дошли слухи, что он свалил за границу, чтобы продолжить обучение в каком-то престижном европейском университете. Когда же она в последний раз слышала о нем, он был уже довольно известным, можно даже сказать, скандально известным писателем, чьи книги, едва увидев свет, тут же становились бестселлерами. Они издавались, переиздавались, переводились на разные языки... Рита не прочла ни одной, но знала, что они считаются сильными, неоднозначными, провокационными и, безусловно, заслуживают внимания. Критики захлебывались то хулой, то похвалой, читатели сметали с прилавков книжных магазинов один тираж за другим, что же до автора, то он ни в какую не желал становиться публичным человеком, несмотря на свалившуюся на него в одночасье непрошеную славу. Вот уже много лет он оставался теновой фигурой, этаким графом Z, не появляющимся ни на экранах телевизоров, ни на обложках глянцеуых журналов. О своем имидже он не заботился совершенно. Его волновали только книги, которые он писал.

Большую часть времени он проживал в Амстердаме, хотя периодически наезжал то в Лондон, то в Париж. Писательское ремесло приносило ему неплохой доход, кроме того, он являлся совладельцем сети лондонских ресторанов.

Через полгода после смерти родителей сестра попросила его приехать в Москву, помочь ей разобраться с делами, и тут выяснилось, что он сам нуждается в помощи. По одной из последних его книг был снят полнометражный фильм, он принимал участие в переработке текста в сценарий, затем в съемках, а по завершении трудов у него случился нервный срыв. Переутомление? Едва ли. Молодой, здоровый мужчина... Алкоголь? Наркотики? Вот это вполне возможно, учитывая место жительства и род занятий.

– У него совершенно расстроены нервы, – жаловалась Ольга. – На прошлой неделе мне удалось уговорить его показаться одной знакомой врачихе, ну, в той больнице, помнишь, где лечилась мама... Ну вот. Она поговорила с ним, выписала какие-то таблетки, но он отказался их принимать. «Прошу прощения, доктор, но это не для меня. Я люблю выпить, а ваши лекарственные препараты скорее всего несовместимы с алкоголем. Не спорю, это может быть интересно, и даже в самом худшем случае меня ждут всего лишь вечные муки, ад и погибель, и все же... все же я предпочитаю еще немного поболтаться на этом свете». Так и сказал. Ну что ты будешь делать? Естественно, она отказалась им заниматься. Когда я перезвонила ей, она сказала, что если пациент настроен таким образом, толку от лечения не будет все равно, и посоветовала обратиться к специалистам, практикующим классический юнгианский психоанализ. Если медикаментозное лечение ему не подходит... то есть если он счи-

тает, что оно ему не подходит, то остается только одно! Она назвала несколько клиник, в том числе эту, и, разумеется, я сразу вспомнила о тебе. Правда, я не была уверена, что ты сама этим занимаешься. Ну, проводишь сеансы и тому подобное...

Рита терпеливо кивнула.

– А какой диагноз ему поставила твоя знакомая?

– Нервное истощение, панические атаки... – Ольга положила на стол рецепт. – И вот что прописала. Лично я ни слова не понимаю. У вас, медиков, такой почерк...

Рита глянула краем глаза. Седативные препараты, нейролептики... Ох, до чего же это некстати! Но отказать было невозможно. Ольга, задушевная подруга, сидела перед ней в кресле и с надеждой заглядывала в глаза.

– Где он живет?

– Сейчас дома. Ну, в квартире родителей на Ботанической.

– А вообще?

– Да толком не знаю. Мотается по чужим квартирам да по отелям... Последний год жил в какой-то студии в центре Амстердама вместе с таким же психопатом – не то фотографом, не то кинооператором.

Судя по всему, даже при своих деньгах он предпочитал вести полубогемный образ жизни, не обрстая недвижимостью и не впадая в зависимость от биржевых сводок.

– Он женат? – спросила Рита.

Ольга молча уставилась на нее. Рита скорчила гримасу.

– Нет. То есть был женат, но она сбежала с каким-то рок-музыкантом. А потом умерла. Покончила с собой.

– Она была русская?

– Нет, голландка.

– Твой брат любил ее? Как он перенес потерю?

– Без особых эмоций. Не думаю, что там была любовь.

– Зачем же они поженились?

– Да просто по глупости. Как большинство из нас.

– Сколько они прожили вместе? Я задаю эти вопросы тебе, – пояснила Рита, – чтобы не задавать их ему.

– Понятно. – Ольга поерзала в кресле. – Года два, если не ошибаюсь.

– Они ссорились?

– Понятия не имею. Он всегда был скрытным.

– Откуда же ты знаешь, что он не переживал из-за ее измены и последующего самоубийства?

– Ну... он никогда не говорил, что переживает.

– А вы много общались?

– Да нет, не особенно.

Рита еще раз взглянула на рецепт.

– Так он сразу заявил в категорической форме, что не станет ничего принимать?

– Да. Я купила эти дурацкие пилюли, целых три упаковки, но он посоветовал мне спустить их в унитаз. Сказал, что седативы и транквилизаторы гасят пламя жизни.

– Даже так?

Рита побарабанила пальцами по столу. Именитый писатель. Умен, талантлив. Понимает, что болен, но отказывается от лечения, рассматривая свою неврастению как своего рода расплату. Расплату за дар. За пламя жизни. Как говорил Курт Кобейн, лучше гореть, чем угасать.

– О господи! – воскликнула она в раздражении. – Зачем ты подсовываешь мне таких несносных пациентов?

– Он мой брат, – сказала Ольга.

Рита тяжело вздохнула и открыла ежедневник.

– Принять его без записи я не могу, у нас с этим строго. Люди ожидают своей очереди месяцами. Но у меня есть окно... да, в понедельник, в 16:00, только предупреди, пожалуйста, чтобы не опаздывал.

Она специально просила Наташу не записывать никого на это время, собираясь в спокойной обстановке перечитать старые истории болезни и заняться другими делами, которые из-за возросшей в связи с увольнением одного из коллег нагрузки постоянно переносила со дня на день. Но, видно, не судьба.

Ольга растроганно чмокнула ее в щеку. На прощание они тепло обнялись, заверили друг друга в неизменной любви и дружбе, обменялись комплиментами по поводу прически-макияжа-костюмчика и расстались до понедельника. Рита пообещала позвонить после того, как составит собственное мнение о строптивом братце.

Для тридцатипятилетней матери семейства Ольга и правда выглядела весьма неплохо. Яркая, со вкусом одетая. Особенно Риту порадовал маникюр. К сожалению, замужние женщины часто пренебрегают этой процедурой из-за бесконечных хлопот по хозяйству. Когда ежедневно моешь, чистишь и драишь, не говоря про сумки с продуктами, какой уж тут маникюр!

Она подошла к зеркалу и уставилась на свое отражение. Ладно, еще не все потеряно. Регулярные визиты к косметологу приносят кое-какие плоды. Волосы, пожалуй, стоит чуть-чуть осветлить. Избавиться от этого желтоватого оттенка. Сделать их более платиновыми, и пусть враг трепещет. «Родила бы, что ли», – сказала ей как-то мать. Отличная мысль! Только вот от кого? Воспользоваться услугами Международного банка спермы? А что, нынче это модно. М-да...

Вечером она налила себе чашечку чая, устроилась за компьютером и попыталась составить заочное представление о том, с кем ей предстояло познакомиться в ближайшее время. Может быть. Если парень не струсит, что вполне вероятно. Многие мужчины пасуют в кабинете психоаналитика, хотя в кресле руководителя или дома на диване чувствуют себя очень даже уверенно.

Ольга сказала: «Он публикуется под псевдонимом Грэм Мастерс».

«Мастерс? – машинально переспросила Рита, вспомнив почему-то Макгрегора Мастерса из ордена Золотой Зари. –

Почему?»

«В Оксфорде у него был друг, Колин Мастерс. Он скончался от передозировки наркотиков».

Graham Masters. Собственного сайта у него, похоже, не было. Она сделала запрос через поисковик, и через минуту в ее распоряжении оказались тридцать пять адресов интернет-страниц, где в том или ином контексте упоминалось его имя. Она глотнула горячего чая и принялась неторопливо просматривать их одну за другой.

Сборники рассказов, романы, многочисленные публикации в журналах и антологиях... сотрудничество с издательствами Tartarus Press, Scarecrow Press, Earthling Publications, Liverpool Universiti Press, Sarob Press и многими, многими другими... премии и награды Интернациональной гильдии ужасов (The International Horror Guild), Ассоциации писателей жанра хоррор (Horror Writers Association) и так далее и тому подобное... статьи в газете Sunday Times...

«Он не фантаст, – объясняла его сестра с таким видом, будто старалась добиться для него отмены приговора. – Его герои – наши современники, внезапно оказавшиеся в жуткой, противоестественной ситуации».

Ну, здорово! Он зарабатывает себе на жизнь, описывая всевозможные кошмары и человека, пытающегося им противостоять по мере своих слабых сил. И от этого самого его предстоит излечить? А что же останется? Что останется?

Ей приходилось иметь дело с подобными пациентами, и

она отлично знала, что слишком настойчивое вторжение в сферу бессознательного может закончиться для них тяжелым психозом. Интересно, что там в анамнезе... Родители, кажется, не страдали никакими психическими расстройствами. А другие члены семьи? Просмотрев все материалы, касающиеся Грэма Мастерса, она пришла к неутешительному выводу, что самым лучшим было бы оставить его в покое.

Глава 2

Понедельник подкрался незаметно. Вот только что, кажется, была пятница, и она терпеливо объясняла разгневанной и оскорбленной в лучших чувствах мамаше, почему ей следует срочно переселить к бабушке свою четырнадцатилетнюю дочь от первого брака (или расстаться с новым мужем), как сразу – бац! – и понедельник.

Сегодня должен прийти Грэм. Мысленно она называла его именно так, хотя ей было известно и настоящее его имя – Григорий. Младший брат. Рита вдруг поняла, что совершенно не представляет, сколько ему лет. Он может быть моложе Ольги и на год, и на пять лет. Хотя нет, на пять – это вряд ли. Хорошо, сказала она себе, стоя перед открытым платяным шкафом и рассеянно перебирая висящие на вешалках костюмы. Это даже хорошо – не знать его возраста, не знать почти ничего. Хорошо для работы. Просто пациент. Незнакомый человек на приеме у психиатра.

Он явился без опозданий. Первые минуты знакомства: неизбежное напряжение, оценивающие взгляды... Наташа принесла кофе в белых фарфоровых чашках, поставила на стол вместе с вазочкой шоколадных конфет и упорхнула, ослепив пациента улыбкой.

Стоя посреди кабинета и медленно оглядываясь по сторонам, он пытался сделать выбор между креслом, придвину-

тым к столу (пациент лицом к лицу с врачом), креслом сбоку от стола (пациент изредка поглядывает на врача, а в случае внезапного замешательства имеет возможность отвернуться), креслом чуть поодаль (пациент и врач смотрят друг на друга, но их разделяет некоторое расстояние) и креслом в углу, в глубокой тени (пациент вообще не видит врача, что создает почти полную иллюзию одиночества). Рита ждала. Опыт подсказывал ей: во время первого визита вежливость скорее всего вынудит его занять кресло напротив, но в дальнейшем он может счесть это неудобным и перебраться в тень.

Она ошиблась. Он с самого начала выбрал кресло поодаль. Глядя на то, как он сидит там, непринужденно откинувшись на спинку и вытянув вперед свои длинные ноги со скрещенными лодыжками, Рита опять подумала, что с ним будет не так-то просто найти общий язык.

– Вам удобно?

– О да, вполне.

Она встала из-за стола и, захватив обе чашки с дымящимся черным кофе, медленно приблизилась к пациенту. Поставила его чашку на низенький журнальный столик, а со своей отошла к окну. Сидя в прежней позе, он без стеснения разглядывал ее. Рита знала эти чуточку снисходительные, раздевающие взгляды уверенных в себе мужчин и порадовалась тому, что сегодня на ней широкие брюки марлен и короткий приталенный жакет, а не одна из ее любимых узких юбок,

оставляющих открытыми колени.

Хотя нельзя сказать, что эти взгляды ей неприятны. Он по-своему интересный мужчина, брат ее подруги. Высокий, очень худой, с бледной, чистой кожей и неистово горящими глазами. Глаза... их буйное, темное пламя – пожалуй, это единственное, что выдает в нем невротика.

– Надо же, – задумчиво промолвил он, продолжая изучать ее грудь в овальном вырезе жакета, – я вас совсем не помню.

– Очень хорошо. Если бы мы помнили друг друга, это могло бы помешать нашей работе.

Возникла пауза. Рита сделала маленький глоток и поставила чашку на подоконник.

– Как вас называть?

– Как хотите.

– Можно Грэм?

– Пожалуйста, – отозвался он равнодушно.

В одной из статей, размещенных на сайте издательства Tatran, рассказывалось о том, как близкий друг Грэма Мастерса, художник (Рита забыла его фамилию), принадлежащий к культуре андеграунда, однажды написал его портрет, который был признан шедевром, выставлялся в нескольких модных галереях, а затем перекочевал в частную коллекцию какого-то греческого судовладельца.

– Вы не скучаете по своему прежнему имени?

Он немного подумал, как будто ответ на этот вопрос требовал совершения в уме сложных арифметических дей-

ствий.

– Почему я должен скучать? Мы не расставались. Мои друзья из числа русских эмигрантов до сих пор зовут меня Гришкой. Меня это забавляет... иногда. А иногда пугает. Какая все-таки странная штука – имя. Вы не задумывались об этом?

– Задумывалась, конечно. Тем более что мне никогда не нравилось мое имя. Маргарита... Спасибо, что не Вероника и не Олимпиада. – Она улыбнулась в расчете на ответную улыбку, но он был начеку. – Так, значит, вам нравится время от времени чувствовать себя Гришкой?

– В общем, да. Думаю, это полезно – в некотором смысле. Но то, как я себя при этом ощущаю... поймите, это тоже маска. Это не есть «я».

– Меню – это не пища. Карта – это не территория. Все так. Однако человек нуждается в каких-то точках отсчета.

– Вы имеете в виду символический центр Мира? Священную гору, откуда можно попасть на Небеса, под Землю и в Преисподнюю? Пуп земли, место Творения... – Он говорил тихим, низким голосом, вынуждая собеседника поневоле напрягать слух. Нехитрый и безотказный способ завладеть чьим-то вниманием. – Если пойти дальше, можно договориться до того, что личная история человека начинается с его рождения и наречения его Сергеем или Робертом, но, боюсь, при ближайшем рассмотрении эта теория окажется полной ерундой. Фокус в том, доктор, что человек, как пра-

вило, не считает своим имя, данное ему родителями. Я знал многих, кто всякий раз удивлялся, слыша это вроде бы привычное «Сергея» или «Боб». И сам никогда не отождествлял себя со своим именем.

Это насмешливое «доктор» кольнуло ее больнее, чем можно было ожидать.

– А с чем отождествляли? Есть ли хоть что-то, что вы могли бы назвать синонимом вашего подлинного «я»?

Он долго молчал, разглядывая ее с холодным, беспристрастным интересом, как диковинное насекомое.

– Мне обязательно обсуждать это с вами?

Рита вернулась на свое место. Теперь их разделял стол и еще два метра пустого пространства. Он почувствовал необходимость изменить дистанцию, она не собиралась препятствовать ему. Пока не собиралась.

– Нет, не обязательно. Мы можем закончить разговор прямо сейчас. Вы вернетесь домой и скажете родственникам, что отказываетесь от лечения, поскольку не считаете меня компетентным специалистом. Вам даже не придется оплачивать сегодняшнюю консультацию. Мы не берем денег с пациента, который после первого же сеанса приходит к выводу, что его обращение к нам было ошибкой.

– Да, меня предупреждали. – Он чуть прищурился, как будто от Риты внезапно начал исходить свет, режущий глаза. – Так вы не хотите работать со мной? Боятесь, что орешек окажется не по зубам?

– Нет, просто вы не нуждаетесь в анализе. Вы свыклись с вашими неврозами, предпочитая рассматривать их не как заболевание, а как знак собственной избранности, и до тех пор, пока вы будете тешить себя этой иллюзией, мы не сдвинемся с места. У меня слишком плотный график, Грэм, и слишком много действительно больных людей ждут моей помощи. Я не могу позволить себе тратить время на приятные, но абсолютно бесплодные беседы с влюбленным в себя интеллектуалом.

– Никто не говорил со мной так, как вы, – произнес он с видимым удовольствием. – Ни один врач. Пожалуйста, продолжайте.

– Продолжать должны вы, а не я.

– О'кей. – Он спокойно встретил ее взгляд. – Что вы хотите услышать?

– Расскажите, что привело вас сюда.

– Моя сестра.

– Я не об этом.

– Ах, да... Бессонница, мигрени, приступы раздражительности, депрессия, пьянство – этого достаточно?

– Давайте остановимся на мигренях. Как часто это случается?

– Раз в месяц. Или раз в неделю. По-всякому.

– Вы не обращались к невропатологу?

– Нет.

– Почему?

На лице его появилось скучающее выражение. Он явно не считал себя больным, но это было, строго говоря, совсем не плохо.

– Вам никогда не ставили диагноз артериальная гипертензия?

– Повышенное давление? – догадался он. – Не помню, когда я последний раз его измерял.

– У вас не бывает ощущения прилива крови к голове? Головокружений? Потери ориентации?

– Ну, вообще-то, – признался он с ухмылкой, точно рассказывал анекдот, – основная моя проблема – это метро, лифты и самолеты. И если поездку в лифте еще можно как-то пережить... минута, две, три... то самолеты – мать божья! Мне приходится всякий раз надираться до бесчувствия, что создает определенные трудности при прохождении паспортного контроля и получении багажа.

– Что пугает вас в метро? Духота? Сознание того, что вы находитесь под землей?

– Боязнь быть проглоченным Страшной Матерью, да... Я слышал, многие мужчины подвержены таким страхам. Но в моем случае дело не в этом.

– А в чем же?

– Люди. – Глаза его слегка расширились. – Слишком много людей.

– Но в лифте...

– Знаю, знаю. В лифте я один, и все равно меня мутит от

страха. Проклятие! Стал бы я делиться этим с вами, если бы мог до всего дойти своим умом!

Перехватив беглый взгляд, брошенный им на пепельницу, Рита приготовилась к тому, что сейчас он попросит разрешения закурить. Разумеется, он курит! Такого мужчину невозможно представить без сигареты. Однако он устоял.

Она продолжала исподволь наблюдать за ним. Немного занервничал. Что ж, бывает. Пальцы левой руки, лежащей на подлокотнике кресла, сжались в кулак, но почти сразу разжались. Старается сохранять контроль.

– Мне не нравится ваша худоба, – возобновила Рита прерванный разговор. – В чем причина?

Грэм растерянно пожал плечами:

– Быть может, в том, что я не ем пирожных?

– А сегодня вы ели что-нибудь?

– Дайте подумать. – Он наморщил лоб. Помолчал и обезоруживающе улыбнулся. – Боюсь, что нет.

– Можно полюбопытствовать, почему?

На этот вопрос он так и не дал внятного ответа.

– Вы страдаете отсутствием аппетита?

– Время от времени.

– А вам не приходило в голову, что причиной всех ваших недомоганий, начиная от мигреней и заканчивая только что перечисленными фобиями, может быть какое-то легко поддающееся диагностике и лечению заболевание желудочно-кишечного тракта?

Он вяло усмехнулся:

– Предлагаете мне обследоваться на предмет язвы желудка? Хм... Помнится, кто-то из друзей рассказывал мне, как это обычно происходит, и я еще подумал: вот сюжет, достойный Стивена Кинга. Не улыбайтесь. Я знаю, что перед началом аналитической работы каждый пациент в обязательном порядке проходит стандартное медицинское обследование. И хотя я не нахожу перспективу особо заманчивой, бессмысленность каких-либо пререканий по этому поводу для меня очевидна.

– Отличная речь! – улыбнулась Рита. – Еще несколько вопросов, если позволите. Вы признались, что употребляете алкоголь. Как часто?

– Признались... – повторил он с гримасой. – А вы что, его не употребляете?

– Я спросила, как часто.

– Бог ты мой!

– Не нужно вести себя как школьник в кабинете директора.

– Не буду, если вы перестанете вести себя как директор.

Умышленно затягивая паузу, Рита с интересом следила за его отчаянными попытками отстоять свою независимость, при этом не выходя за рамки приличий. Он не видел в ней врача, только женщину. К этому располагали и сама обстановка кабинета, больше напоминающего небольшую гостиную (мягкие кресла, светлое ковровое покрытие, цветы на

окнах, настольная лампа со старомодным абажуром), и то обстоятельство, что все психиатры этой клиники традиционно обходились без белых халатов. Ничего страшного. С этого начинают почти все мужчины, и все без исключения со временем избавляются от этого стереотипа.

– Какие из алкогольных напитков вы предпочитаете?

– Коньяк, арманьяк. А также красные вина, желательно классифицированные.

– Виски?

– Нет, нет.

– Абсент?

– Иногда.

Черные брюки с едва обозначенными стрелками... длинный черный пуловер крупной вязки, делающий его похожим на артиста или художника... в треугольном вырезе виднеется горловина белой хлопчатобумажной футболки. Изящные, узкие кисти рук, расслабленно лежащие на подлокотниках кресла. На левом запястье часы с массивным браслетом из белого металла (золото? платина?), на правом – цепь из крупных плоских звеньев. Тоже светлая, с красивым матовым блеском.

Рита почувствовала мягкий толчок в сердце, как бывало всегда, стоило ей уловить близкое присутствие табуированной, тщательно охраняемой от вторжения области бессознательного. Тяжелые металлические побрякушки на запястьях обеих рук... привычка носить их, все время чувствовать се-

бя захваченным в плен... не вполне свободным.

– Значит ли это, что у вас имеется алкогольная зависимость?

– Не думаю.

– А наркотическая?

Он вскинул глаза. Темные, как раскаленные бездны ада.

– Однозначно нет.

– Но вам приходилось пробовать наркотики?

– Да.

– Какие именно?

– Все существующие.

– Есть ли среди них такие, которые вы употребляете постоянно?

– Мы говорим о нелегальных препаратах, – хмуро произнес он. – Мне бы не хотелось распространяться на эту тему.

– Вы в кабинете психоаналитика, Грэм. Здесь можно признаться в чем угодно, даже в убийстве, не опасаясь оказаться из-за этого на скамье подсудимых.

– Тайна исповеди?

– Совершенно верно.

Но он молчал.

Рита попыталась зайти с другой стороны.

– В случае необходимости вы согласитесь на детоксикацию?

– Да, но не думаю, что такая необходимость возникнет. В настоящее время я чист.

– Когда вы принимали очередной наркотик, что было вашей целью? Простое удовольствие? Или, как говорят последователи доктора Лири, расширение сознания?

Он не поддавался. Он стоял насмерть.

– Вряд ли это имеет отношение к моим нынешним проблемам.

– Что ж, думаю, на сегодня хватит. – Она нажала кнопку спикерфона. – Сейчас моя ассистентка проводит вас к Штейману Якову Давыдовичу, заведующему терапевтическим отделением.

– Яков Давыдович... – прошептал Грэм с округлившимися от ужаса глазами. – Помоги нам боже!

– Он побеседует с вами, – продолжала Рита, не обращая внимания на этот спектакль, – и составит график обследований. На протяжении ближайших трех-четырёх дней вам предстоит приехать сюда к девяти утра и оставаться столько, сколько потребуется. После того как я получу вашу медицинскую карту с результатами всех обследований, мы сможем начать работу. Всего хорошего.

Грэм медленно поднялся на ноги. Явившаяся на зов Наташа распахнула перед ним дверь, ведущую не в приемную, где уже дожидался следующий пациент, а в маленький коридорчик, откуда можно было попасть на лестничную клетку, а оттуда на лифте – на пятый этаж.

– Прошу вас.

Уже переступив порог, он обернулся и окинул Риту при-

стальным, запоминающим взглядом.

– Спасибо, доктор. Увидимся через неделю.

Оставшись одна, Рита выпрямилась в кресле, набрала полную грудь воздуха, на секунду задержала дыхание, после чего с облегчением выдохнула. Устало помассировала пальцами виски. Прошлась взад-вперед по кабинету, рассеянно трогая пальцами спинки кресел. Потом бросилась к столу, торопливо сняла трубку внутреннего телефона и позвонила в терапевтическое отделение.

– Яков Давыдович? Это Маргарита. Я направила к вам одного из своих пациентов... дневной стационар, да. Строганов Григорий Германович. Да. Нет. Общее истощение организма, подозрение на язву желудка, ряд истерических симптомов с периодически повторяющимися мигренями... Постарайтесь убедить его в том, что все это очень серьезно. Не знаю, не знаю. Об этом еще рано говорить. Я хотела бы получить его карту не позже следующего понедельника. Большое спасибо.

Бросила трубку на рычаг и вновь обессиленно откинулась на спинку кресла. Братишка... Ну и ну! Какой-то граф Дракула с манией величия.

По пути домой, шагая по мокрым после осеннего дождя тротуарам, она вдруг вспомнила, как вместе с той же Ольгой, будучи уже десятиклассницами, но по-прежнему оставаясь наивными дурочками во всем, что касалось секса, они тщетно пытались докопаться до смысла некоторых общеупо-

требительных слов. В конце концов Ольга не выдержала и пришла с этим к единственному человеку, который (это она знала точно) не стал бы смеяться над ней, – к своему младшему брату. Молчаливому подростку с богатым внутренним миром. «Эрекция, оргазм, минет, – перечисляла она, загибая пальцы. – Что означают эти слова?» Братец остолбенел, но быстро пришел в себя. Усадил ее на стул и буквально за две минуты с предельной прямоотой и ясностью растолковал ей, что к чему. Его четкие, безжалостные формулировки не оставляли места сомнениям. Пристыженная сестренка ментально все поняла.

* * *

Ольга заливалась счастливыми слезами и благодарила так, как будто смертный приговор, вынесенный ее брату неделю назад, только что заменили пожизненным заключением.

– Для начала ему предстоит пройти довольно-таки серьезное клиническое обследование, – говорила Рита, плечом прижимая трубку к уху и одновременно помешивая в кастрюльке овощное рагу. – Рентген, анализы, консультации... чтобы мы были уверены в том, что он нуждается именно в психоаналитическом лечении. Некоторые органические нарушения могут сопровождаться симптомами, аналогичными тем, что демонстрирует твой брат. И если на этом этапе он не сбежит...

– Не сбежит, – клятвенно заверила Ольга. – Я ему не позволю.

– Может быть, с твоего позволения он спустил в унитаз все таблетки, прописанные предыдущим специалистом?

– Ритусик, – сказала Ольга проникновенным голосом. – Я все понимаю. Он тварь и сукин сын. Но ты хотя бы попробуй, ладно? Бросить же можно в любой момент.

Это было не совсем так. Вернее, совсем не так. Но спорить Рите не хотелось.

– Что ты меня уговариваешь? Я уже согласилась. Уговаривать надо его, а не меня.

...при неврозе имеют место две противоположные тенденции, и одна из них является бессознательной.

Полулежа на диване и краем глаза поглядывая на экран телевизора, она продолжала размышлять о своих проблемах. Этот мужчина, в отличие от многих своих братьев по разуму, вызвал у нее симпатию и, как следствие, желание помочь. Но согласится ли он принять ее помощь? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он ей не доверяет. Считает ее всего лишь женщиной. Всего лишь... Это вечное превосходство самца! Однако стоит только жизни взять за горло, и все они моментально бегут к мамочке. К той самой Великой Богине – Инанне, Кибеле, Исиде, – которая породила их и возлюбила и которая оплатит их в последний день. Они приползают к подножию ее трона, сыновья и любовники, и молят вернуть им силу, утраченную в результате пренебрежительного от-

ношения к фундаментальным законам человеческого бытия.

*...патогенный конфликт, хотя и опирается на личную историю, в то же время отражает и проблему общечеловеческую, так как отсутствие единства с самим собой является признаком человека культуры. Невротик – лишь особый случай человека, который находится в разладе с самим собой и должен найти баланс между природой и культурой.*¹

Неожиданно она вспомнила Кальмара, Колю Панкратова, мальчика из параллельного класса, жившего в том же подъезде, что и Ольга, но выше этажом. Мальчик этот, разумеется, давным-давно превратился в бородатого дядю с залысынами на висках, но в школьные годы... С Ольгой они обменивались журналами, кассетами, пластинками и вообще неплохо ладили. Теоретически он мог быть знаком и с ее младшим братом.

В одной из старых записных книжек сохранился номер его телефона, но некоторое время Рита колебалась. Вспомнит ли он ее? Столько лет, столько зим... С другой стороны, она же его не забыла. Мало того, пока она не переехала с Ботанической улицы на Большую Марьинскую, они периодически встречались во дворе, здоровались и даже останавливались поболтать.

Ладно, звони. Не узнает, так не узнает. Подумаешь, дело великое.

И она позвонила.

¹ К.Г. Юнг. О психологии бессознательного.

Все опасения оказались напрасными. Кальмар узнал ее, обрадовался и ничем не выдал своего удивления. Он по-прежнему проживал в той же самой квартире вместе со своей старенькой мамой, а бывшую жену с дочерью навещал по выходным. «Сколько дочке?» – «Да вот, пошла в третий класс». – «Почему расстались?» – «А черт его знает! Почему люди расстаются?..» Рита с грустью выслушала эту банальную историю, немного рассказала о себе и наконец задала интересующий ее вопрос.

– Строганов? Гришка? – Кальмар добродушно хохотнул.
– Он монстр. Дико талантлив. Но не без причуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.